

10. Судьбы моих предков

Бучин Аркадий
Гринкевич С. А.

ДВАЖДЫ РЕПРЕССИРОВАННЫЕ

Оглавление.

• Введение.....	3
1. Сталинский замысел.....	6
2. Творческая реализация кровавых предначертаний.....	7
3. Будничная механика следственной работы.....	9
4. Змея жалит свой хвост.....	12
5. Жатва смерти в уральской тайге.....	13
6. Последние искры памяти.....	14
• Заключение: "Не верь, не бойся, не проси".....	21
• Литература.....	24

Введение.

Одной из массовых репрессивных компаний 1937 года была операция «Кулак». План ее проведения созрел в Кремле, был разработан в кабинетах на Лубянке, творчески обогащен в Свердловске, Молотове, Кирове. Ударно исполнен работниками НКВД в городах и весях, спецпоселках и лесоучастках от Москвы до самых окраин. Но когда советские инквизиторы уже готовили в парадных френчах дырки под новые ордена, смертоносная волна, словно отразившись от невидимой преграды, опрокинулась на них, унеся в небытие исполнителей вслед за жертвами.

В 1936 году ликовал советский народ: Верховный Совет единогласно принял новую Конституцию – Конституцию победившего социализма. Ни в одной стране мира не было у трудящихся столько прав и свобод, нигде правительство не заботилось так о тружениках. Советская власть простила и казаков, и бывших кулаков – они получили избирательные права! Спецпоселенцам разрешили менять место работы, правда, пока еще без выезда из места ссылки. Верилось, что не за горами полное восстановление в правах. Бывшие раскулаченные впервые пошли на выборы. Сегодня в правах восстановили, завтра разрешат домой вернуться, немного еще потерпеть осталось...

Но через несколько месяцев обрушилась на лесные спецпоселки неожиданная беда. Приезжали внезапно, ночью (милиция, работники НКВД, наспех мобилизованные комсомольцы, работники сельсоветов, пожарники, ВОХРовцы), врвались в дома, арестовывали по спискам, увозили в ночь. Месяцами, женщины обивали пороги казенных учреждений, вырывали по крохе сведенья о судьбе мужей, сыновей, отцов, добивались свиданий, передавали узелки с нехитрой крестьянской снедью. А в январе-феврале 1938 года стали вызывать их в райотделы НКВД, где вручали листок с обвинением: АСА, АСД, КРА, КРПО, КРД, шп., терр., повст..., со статьей 58 с пунктами и с приговором: 10 лет лишения свободы, 10 лет с конфискацией имущества, 10 лет без права переписки, ВМН, ВМН с конфискацией имущества.

Через год стали возвращаться в поселки измученные истощенные мужчины - менее половины от числа арестованных - со справками: «Дело прекращено за недостаточностью улик», «Дело прекращено за отсутствием состава

преступления», «Дело прекращено за недоказанностью преступления». О том, что с ними было, молчали. Даже женам не рассказывали.

Случалось, выдавали женщине бумажку: «Дело прекращено за смертью обвиняемого».

Через пятьдесят лет в ответ на запросы детей и внуков полетели из тех же кабинетов новые бумажки: «Подвергся необоснованным репрессиям...», «Реабилитирован посмертно».

Сформулирую проблему данной работы. Начиная с XX съезда КПСС и до наших дней, главное внимание при изучении "большого террора" уделяется репрессиям против верхушки советского общества: генералитета, "ленинской гвардии", крупных хозяйственников. Не забыт и "средний слой" советского общества: инженеры, писатели, врачи, разведчики, офицеры. Сложился стереотип восприятия "большого террора", как масштабной чистки номенклатуры. Если в 50-80-е гг. XX века советское общество с сочувствием относилось к этому слою жертв, то в современной России они воспринимаются как "получившие по заслугам" - верно служили советскому строю и получили справедливое воздаяние. "Большой террор" стал восприниматься как историческое возмездие. Но в рассказах старожилов наших мест и в списках репрессированных из томов "Книги памяти" (см. Литература) встает другая картина "большого террора", абсолютное большинство жертв которого, - простые рабочие и крестьяне.

Так что же это такое - операция «Кулак»?

Цели, задачи, методы.

Цель работы:

-исследовать операцию НКВД "Кулак" на нашей территории

Задачи:

-исследовать механизмы проведения репрессивной операции против раскулаченных;

-найти очевидцев репрессий 30-х г. в нашем поселке и собрать их воспоминания;

- составить списки репрессированных и оценить размах террора 1937-38г.г. в нашей местности;

- понять причины массового террора 30-х г.;

- исследовать стратегию выживания в условиях массового террора.

В ходе исследования на этапе накопления материала я использовал методы анализа источников, интервью. В ходе написания работы я использовал методы классификации, анализа, синтеза.

1. Сталинский замысел

2 июля 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) направило местным властям телеграмму:

«Замечено, что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных в одно время из разных областей в северные и сибирские районы, а потом, по истечении срока высылки, вернувшихся в свои области, являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых областях промышленности.

ЦК ВКП (б) предлагает всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные, менее активные, но всё же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД...

Секретарь ЦК И. Сталин».

В последующие недели нарком Ежов подготовил приказ № 00447 от 30 июля 1937г. и представил его на Политбюро. В рамках предстоящей операции 259450 человек должны были быть арестованы, из них 72950 человек расстреляны. Для каждой области составлялись квоты на 1-ю (расстрел) и 2-ю (заключение от 8 до 10 лет) категорию. Свердловская область, куда в те годы входила и Пермская, получила одну из самых высоких в стране квот: 4000 по первой категории и 6000 по второй (см. Приложение). В сжатые сроки органам НКВД предстояло арестовать, оформить дела, исполнить приговоры в отношении десяти тысяч человек. Сроки на проведение операции отводились с августа по ноябрь 1937г. – четыре месяца. Операция «Кулак» была лишь одной в ряду подобных: против поляков, финнов, харбинцев, румын, греков, турок – операций по

уничтожению «шпионского подполья», которые шли одновременно с ней, подчас тесно переплетаясь. В четыре месяца органы НКВД не управились: репрессии против «кулаков» растянулись более чем на год.

Что представляли собой «тройки», в чьи руки отдавалась судьба арестованных? В их состав входил первый секретарь парторганизации, прокурор и региональный руководитель НКВД. По Свердловской области председателем тройки назначался Дмитриев, членами были Абаляев и Грачев. Тройка могла по своему усмотрению менять категорию арестованного с первой на вторую и наоборот.

2. Творческая реализация кровавых предначертаний.

Урал славится народными сказителями: один Бажов чего стоит! Начальник Свердловского управления НКВД Д.М.Дмитриев подошел к предстоящей операции по-уральски творчески. Вместо того, чтобы просто арестовать десять тысяч обреченных, рассортировать их на две категории и одних – расстрелять, других – посадить, Дмитриев усложнил своим подчиненным задачу: всех арестованных он решил объединить в разветвленную «право-троцкистскую контрреволюционную повстанческую организацию»: НКВД сочиняет заговор-фантом с целью реставрации капитализма. И вот уже следователи НКВД вычерчивают разветвленные схемы на листах ватмана: областной повстанческий центр, которому подчиняются пять округов: в Березниках, Краснокамске, Перми, Надежнинске, Свердловске (сверх того – крупная повстанческая организация в Коми-Пермяцком округе). Округам подчиняются роты, которые разбиты на взводы. Возглавляет организацию штаб из правых и троцкистов, занимавших ключевые должности в областном руководстве, военном и советском аппаратах. Взводы формировались на базе каждого поселка спецпоселенцев, а роты – на базе административного района. Были взводы стрелковые, кавалерийские, динамитчиков (на базе шахт Кизеловского бассейна), взвод церковников, три взвода, сведенные в роту под командованием заведующего горно (диверсанты-педагоги!), железнодорожный батальон, взвод из татар-националистов, офицерский, карательный. Организация готовила восстание, приуроченное к началу интервенции против СССР «одной

иностранной державы», под которой недвусмысленно подразумевалась Германия. В час «X» боевики должны были устроить диверсии на железных дорогах, взорвать оборонные заводы, перестрелять коммунистов и приступить к штурму городов. Так, повстанцы из Коми-округа должны были на плотках сплавиться по реке Иньве и атаковать Пермь и Молотово (Так в те годы называли Мотовилиху). И никого не смущало, что Иньва несудоходна - ни катера, ни плоты по ней не прошли бы.

Руководящая верхушка организации к лету 1937 года уже была подготовлена: еще в феврале-мае 1937г. были арестованы директора ведущих промышленных предприятий, секретари райкомов, ведущие инженеры, директора шахт, советские работники Перми, Коми-Пермяцкого округа, Лысьвы, Чусового, Кунгура, Березников, Кизела. К лету-осени они уже подписывали показания, сочиненные следователями. Средний слой составляли руководители низшего звена и техническая интеллигенция: председатели колхозов, инженеры и бухгалтеры предприятий, преподаватели ВУЗов. Самый многочисленный слой диверсантов и террористов составляли рабочие и колхозники, особенно – недавние кулаки. Кулак – он враг по определению. Если кулак лоялен советской власти, значит, он маскирует свое звериное лицо. Рядовые диверсанты и контрреволюционеры объединялись во взводы и вредили советской власти как могли: портили технику, устраивали аварии на заводах и в шахтах, организовывали крушения поездов, готовили покушения на советских работников, морили голодом колхозный скот, заражали лошадей сапом, срывали госпоставки хлеба государству, занимались шпионажем в пользу "иностранных государств"...

Дмитриев затеял грандиозную и опасную игру: он планировал на Урале большой показательный процесс, на котором намеревался превзойти режиссеров московских политических процессов. Цель? Карьера! В случае успеха, из провинции Дмитриев поднялся бы до замов наркома НКВД, а там и... Сведения о крупном заговоре на Урале Ежов довел до Сталина, и тот заметил, что «Дмитриев действует, кажется, вяловато. Надо немедленно арестовать всех (и малых, и больших) участников повстанческих групп на Урале».

Раз есть повстанцы, значит они должны быть вооружены. Откуда оружие? Со складов Осоавиахима! Шашки и винтовки со складов Осоавиахима изымались и грузовиками отправлялись в Свердловск, как вещественные доказательства

существования разветвленного заговора. Руководителей Осоавиахима, естественно, арестовали, причислив к голове повстанцев.

3. Будничная механика следственной работы.

Однако конструкторы политического процесса столкнулись с почти непреодолимыми техническими трудностями: согласно указанию Ежова, на каждого арестованного необходимо было оформить индивидуальное дело. Десять тысяч дел за четыре месяца! Производственные мощности областного управления НКВД не справлялись с валом работы. Начальство требовало «выдавать на- гора» по десять дел в сутки, грозя жестокими карами. Следователи неделями не покидали родное управление, работали по 20 часов в сутки, валились с ног, спали на диванах, тут же пили. Как ускорить следствие? Как заставить арестованных подписать смертные показания? Ведущие работники Свердловского УНКВД Дашевский, Гайда, Ерман были отправлены в райцентры для распространения передового опыта по ускорению и упрощению «обработки» подследственных. «Заговорщиков» разделили на «руководителей» и «рядовых», от первых следствие брало обширные и подробные показания, которые назывались «ведущим протоколом». «Ведущий протокол» занимал иногда более 20 машинописных страниц. Эти данные затем автоматически прикреплялись к показаниям «рядовых заговорщиков». Протоколы на них писались по шаблону одним следователем, а затем другой добивался подписи арестанта. «Рядовой» протокол состоял всего из четырех пунктов: 1) признание в виновности, 2) признание в причастности к какой-либо контрреволюционной организации, 3) указание на лицо, завербовавшее фигуранта в организацию, 4) конкретная враждебная деятельность себя и других лиц. Подобная технология значительно убистряла «обработку» потока арестованных. Но и этого было недостаточно, и тогда руководители операции разрешили своим подчиненным готовить групповые дела на десятки лиц сразу. По одному делу отправлять на расстрел единым списком.

Тюрем не хватало, людей зачастую содержали в недостроенных или законсервированных производственных помещениях: без прогулок, в тесноте, грязи, холоде, голоде. Воля к сопротивлению слабела. И тут в среде арестованных начинали свою работу иуды – «колуны», «агитаторы»,

«колольщики» - подсадные агенты, которые убеждали заключенных дать нужные следствию показания, а то и помогали написать «чистосердечное признание». Главный аргумент «колунов» сводился к тому, что подписавших вскоре освободят, разве что переведут в другое поселение. По признанию следователей, «до чудес доходило с этими упрощенными методами следствия, арестованные буквально стояли в очередь, чтобы скорее написать заявление о своей контрреволюционной деятельности, и все они потом были осуждены по первой категории». Еще проще дело обстояло с диверсиями: все производственные аварии вписывались как диверсионные акты. Если арестованный упорствовал, его все равно пропускали через тройку, а в обвинительном заключении указывали, что «виновным себя не признает, но изобличен другими обвиняемыми».

Репрессии шли волнами, свистели эшелонами. Прошла волна, смыла и погребла кого-то, а уцелевшие, сжавшись от ужаса, могут на какое-то время перевести дух. Но вот стонут и вибрируют рельсы – идет новая волна, приближается новый эшелон.

Смерть облюбовала короткие промежутки времени: как купе в вагоне. Попал в купе – дверь закрыта на два оборота ключа бдительным вагоновожатым, и ты - лицом к лицу с попутчиками, а невидимая между вами – смерть. Невидимая, но ощутимая. Не попал в это купе – кантуешься в тамбуре, пропитанном общим живым духом неудобства: в грязце, в воньце, да не в обиде. Главное: не попасть в узкое смертное купе, в бездну двух-трех пропитанных хроническим ужасом недель.

Вот эти «коридоры»: 15-16 декабря, 23-24 декабря, 31 декабря 1937 года. Арестованным 15-16 декабря спасения не было: все они предстали перед «тройкой» 15.01.38г. и были осуждены либо к ВМН, либо к 10 годам лишения свободы. Арестованные 23-24 и 31 декабря были «пропущены через тройку» 02.07.38. Обвинение: шпионаж, диверсии. Приговоры - ВМН.

Прошла волна, и народ мог отдышаться, пока машина НКВД не переработает в своих недрах человеческий материал. Арестованные между гребнями волн имели шанс уцелеть: они шли в розницу, недосуг было следователям прикреплять их к уже разоблаченным и осужденным крупным организациям, да и небезопасно: почему промедлили, не арестовали в общем потоке?

Неужели проморгали? Плохо работаете, товарищ следователь. А там и до оргвыводов недалеко, гражданин бывший следователь.

Волны были тщательно спланированными операциями. Каждая волна накрывала и вырывала из жизни созданную в изошренном уме беллетристов от НКВД виртуальную шпионско-террористическую организацию. Если арест запаздывал, у человека появлялся шанс выжить: половина арестованных получила сроки или была выпущена из тюрем. А если человека арестовали еще двумя неделями позже, то смерть уже не могла его достать: ее время вышло или она насытилась. Арестованные в эти сроки либо были отпущены за недоказанностью или отсутствием состава преступления, либо получили сроки 3-5 лет- для приличия. Так, значительная часть арестованных 31.12.37г. не попала «на тройку» 07.02.38 г.: либо следователи не успели подготовить дела, либо заартачились подследственные, не соглашаясь на самооговор. И эта небольшая заминка стала для них спасением: изменилась ситуация «вверху». Сначала арестантов перестали «колоть», а спустя полгода-год - отпустили. Под расстрел в первую очередь пошли те, кто согласился «играть по правилам следователя», «сотрудничать со следствием», то есть признавался в заведомо вымышленной вине. Те же, кто упорствовал в своей невинности, подвергались давлению, физическим методам ведения следствия, бывало, умирали в тюрьме, но многие из них выиграли свободу при смене руководства НКВД. По году и более люди были под следствием по расстрельным статьям - держались, не оговаривали себя и других! Ежовцы не чужды были гендерного подхода: женщин расстреливали в исключительных случаях: за что мужчине полагалась ВМН неминуемая, женщины получали 3-5 лет.

В январе- феврале 1938г., когда шли массовые расстрелы осужденных, начала набирать силу новая волна арестов. Но судьба попавших в этот поток была иной. Арестованные зимой – весной 1938г. просидели в тюрьмах по полугоду и более и были либо освобождены, либо получили «смешные» приговоры: 3-5 лет за антисоветскую агитацию.

Сменивший Ежова на посту наркома внутренних дел Лаврентий Павлович Берия провел массовый пересмотр дел и выпустил часть подследственных, проходивших по 58-й статье. Списки на арест в спецпоселках составлялись комендантом, затем дополнялись в райотделе НКВД. Нет в населенном пункте

спецкомендатуры – считайте, что вам повезло, некому вами заниматься. Репрессии бушевали в городах, затапливали спецпоселки, их прибой доходил до крупных сел и железнодорожных станций. Но в деревенской глубинке они почти не ощущались. Чем меньше деревня, тем меньше шансов быть арестованным. Причем коренной житель данной деревни или села попадал под репрессию значительно реже пришлого, приезжего, присланного.

Когда говорят, что репрессии тридцатых обрушились в основном на старую партийную гвардию, то сознательно или неосознанно вводят нас в заблуждение. Репрессии косили всех. В тридцать седьмом вероятность ареста определялась не индивидуальной виной человека, а его принадлежностью к «категории населения», подлежащей репрессии, согласно приказу НКВД, или связями: служебными, дружескими, родственными. И то, и другое нельзя было предусмотреть наперед, поэтому в глазах людей того времени репрессии были иррациональны.

4.Змея жалит свой хвост.

Амбициозным планам Д.М. Дмитриева не суждено было сбыться. Центр так и не разрешил местному УНКВД проводить процесс против уральских правых в Свердловске. Показательный процесс против право-троцкистов в Свердловске не состоялся. Сталин, сомневаясь в компетентности свердловских чекистов, не разрешил Д.М.Дмитриеву поставить большой процесс. Руководители «заговора» были расстреляны в январе-феврале 1938г. Рядовых «повстанцев» в спешном порядке «пропускали» через «тройку». Москва пристально следила за положением дел на местах: в феврале 1938г. ЦК ВКП (б) снял с постов секретарей обкома. Вскоре они были осуждены. Дмитриев лишился политической поддержки в области – Атланта оторвали от Земли! Уже в апреле волна арестов прекращается, а в мае 1938г. главных уральских карателей настигает волна чистки аппарата НКВД. В апреле 1938 г. тройка Свердловского УНКВД фактически прекращает работу, чтобы еще раз возобновить ее в августе.

Ударная волна перманентной чистки в центральном аппарате НКВД настигла Дмитриева в мае. Его смещают с должности, назначив на короткое время начальником ГУШОСДОР НКВД СССР. Его заместитель Дашевский

становится в нем начальником эксплуатационного отдела; в июне 1938 г. Дмитриев арестован, в марте 1939 г. — расстрелян. В июле арестовали организаторов кулацкой операции Я.Ш. Дашевского, Н.Я. Боярского и самого рьяного исполнителя — В.Я. Ловоцкого. Осенью пришел черед Шейнкмана, а в следующем году — Шахова, Былкина, Беланова, Варшавского и др. Перед арестом Варшавский сделал доброе дело: «...без необходимой перепроверки материалов огульно освобождал арестованных из-под стражи»

Служба Д.М.Дмитриева в НКВД на этом не закончилась: в октябре-ноябре 1938г. он – внутрикамерный агент, «камерный колун». Его подсаживают к маршалу Блюхеру, чтобы склонить последнего к самооговору.

Организаторы и исполнители «кулацкой» операции на Урале были расстреляны в период с осени 1938г. по лето 1939г. Круг замкнулся: змея поглотила свой собственный хвост.

5. Жатва смерти в уральской тайге.

Каков же итог работы карателей в 1937-38гг? Только на территории Пермской области было осуждено около 8000 тысяч человек, из них 5060 (63,8%) было расстреляно в течение года. Богатую жатву собрала смерть в спецпоселках Кыновского куста.

Станция Кумыш: арестовано - 2. Расстрелян -1, осужден на 10 лет - 1.

Станция Кын: арестовано 11. Расстреляно - 4, осуждены на пять лет - 2 , освобождены – 5.

Поселок Кын: арестовано 30. Расстреляно 16. Осуждены на 10 лет -1. Осуждены на 3 года – 1. Осуждены на пять лет – 6. Осуждены на шесть лет – 1. Освобождены - 5

Спецпоселок Рябиново: арестовано 29. Из них расстреляно – 15. Умерли в тюрьме- 2. Осуждены на пять лет – 3. Осуждены на десять лет – 3. Освобождены за отсутствием улик – 6.

Спецпоселок Мишариха: арестовано 33. Из них расстреляно – 17. Осуждено на три года – 2, на пять лет – 2, на 10 лет – 4. Освобождены – 8.

Спецпоселок Вынырок: арестовано 51. Из них расстреляно – 7. Осуждено на 5 лет – 3, на 8 лет - 3, на 10 лет – 1. Освобождены – 37.

Деревни в окрестностях Кына: арестовано - 6, расстреляно - 4, умер в тюрьме - 1, осужден на 6 лет - 1.

Уроженцы Кына, арестованные в других местах: арестовано - 12, расстреляно - 4, осуждено на 10 лет - 3, осуждено на 5 лет - 1, освобождено - 4

Всего арестовано - 174, расстреляно - 68, умерло в тюрьме - 3, осуждено на 8-10 лет - 16, осуждено на 3-6 лет - 21, освобождены - 65.

Статистика жертв операции "Кулак" сделана на основании выборки, приведенной в "Приложении" и составленной мной на основании поименных списков из шести томов "Годы террора" - Книга памяти жертв политических репрессий. Часть третья, том 1,2,3,4,5,,6. Пермское книжное издательство. (Пермь. 2005.)

6. Последние искры памяти.

Я нашел людей, помнивших волну репрессий 1937-38г.г. в нашем поселке Кын. Сейчас это пожилые и престарелые люди, но боль от несправедливости, выпавшей на долю их семей, не изгладилась из памяти. Большую помощь в поиске оказала заведующая библиотекой Захарова Анна Алексеевна.

Таисия Васильевна Пономарева 1927 г.р. об арестах в спецпоселке Мишарихе: «В 1937 году впервые нашим разрешили участвовать в выборах. Избирательный пункт находился в 12 км – в Кыну, всех туда возили на голосование. Начались аресты зимой. Помню, пришли за нашим соседом Паньшиным – их семья жила за фанерной перегородкой от нашей, все хорошо было слышно. Когда за ним пришли, он брился. Бритву приказали положить. Обыска не проводили, да и что было искать? Увезли его по снегу, зима уже стояла. Больше он не вернулся. Арестовывали много кого. Хотели арестовать Екатерину

Михайловну Пикуль (Луценко)- заведующую больницей в поселке. Она была незаменимым работником: принимала роды, удаляла больные зубы, делала прививки, ходила на вызовы, следила за санитарным состоянием в детсаду, яслях, школе. И вот она оказалась в списке на арест. Но, так как нельзя было оставить людей без медпомощи, вместо нее арестовали и осудили Нину Михайловну Моздор, у которой была единственная дочка Нина.

А уже в конце войны забрали кузнеца Степана Татаурова. Он как-то во время полевых работ неудачно подшутил: «Каждый гриб – удар по врагу». Грибом в дерево бросил и расхохотался. Тогда в сельсовете много разных плакатов было, призывающих работников тыла помогать фронту. Вот так он над этим подшутил. А вскоре за ним приехали. Мы все догадывались о том, кто донос написал, знали этого скользкого человека. Получил Степан несколько лет, но вскоре вернулся: ходатайствовали за него начальники, так как он был единственным кузнецом. Вот и отпустили его».

Елена Федоровна Старцева (Рожкова): «Маме моей в 1937 году было 17 лет. Работала она в лесу: то на сплав пошлют, то на валку леса. Работа тяжелая, не девичья. А как-то арестовали ее и еще многих, привезли в Лысьву и посадили в тюрьму. Провела она в тюрьме несколько месяцев, на допрос ее ни разу не вызывали. С ней в камере было много таких же молоденьких девушек. Как-то одна из них вернулась с допроса и сказала, что их всех отпустят. Ей, конечно, не поверили. Но ведь и в самом деле их отпустили. Радости было! Мама так и не могла понять, за что их забрали. И еще вспоминала, что в камере запрещалось петь, а им хоть таким образом хотелось заглушить страх перед судьбой».

Иван Михайлович Паршаков вспоминает:

«После раскулачивания и работы в Краснокамске семья моего отца, Паршакова Михаила Михайловича, была отправлена на Вынырок. Комендантом там был Щеколёв Александр Васильевич. Новые дела на мужиков составлялись им. Мой

отец в 1937 году жил на станции Кын, работал в ОРСе продавцом. Первая волна арестов не коснулась его. Арестованных из лесных поселков свозили на станцию Кын и сутки - двое держали под охраной в одном из барakov, накапливали для дальнейшей отправки. Сами работники органов жили в библиотеке клуба. В народе сразу заметили: если после вечернего поезда в клубной библиотеке затопили печь, дым из трубы идет, значит жди ночью арестов. Однажды ночью перед Новым Годом забрали и моего отца. В доме даже обыска не делали - нечего было обыскивать, мебели и имущества у нас не было. Отец просил, чтобы ему разрешили передать ключи от магазина и от склада заведующему - на нем была материальная ответственность, за недостачу сразу давали большой срок. Но ему не позволили этого сделать. Когда он вернулся, то о следствии и тюрьме молчал. Сказал только, что знает, кто на него написал донос. Везде его таскали, возили, допрашивали. Им надо было, чтобы он подписал обвинения. Тех, кто подписывал, расстреливали. Тех, кто не подписывал, судили, давали большие сроки. Бывало, что люди умирали в тюрьме под следствием. Стукачей на Вынырке все знали: Жуланов, Азанов, Булычев. Им за ложные показания дали по два года - отблагодарили.

Второй раз отца арестовали в 1942 году - уже во время войны. И снова его отпустили - в 1943 году.

Паршаков Михаил Михайлович, 1908. С. Бердяж, Чернушинского р-на.Русский. Арестован 30.12.1937г. Проживал: п. Вынырок. Дело прекращено за недоказанностью состава преступления.01.07.1939г. Освобожден 08.07.1939г. Арестован 25.11.1942г. Проживал там же. Дело прекращено 12.03.1943г. Освобожден 23.03.1943г.

Красовитова Раиса Алексеевна вспоминает:

"Наша семья после раскулачивания попала в поселок Вынырок. Моего отца, Алексея Гавриловича, и его родного брата, Василия Гавриловича, арестовали вечером 31 декабря 1937г. Бригада работала на станции Кын на лесозаготовках, там и произошло задержание. В тот вечер несколько десятков мужиков из Вынырка были арестованы, их посадили под охраной в барак. Наутро к одному из арестованных пришел сын - мальчик, но солдат-охранник не дал им свидеться, ударил ребенка, прогнал его.

Где находятся арестованные, никто из наших не знал. Осенью 1939г. отца выпустили, а на несколько месяцев раньше вышел на свободу его брат. Вины на них не было ни в чем. О своей жизни в заключении отец молчал. Рассказал только, что во время следствия перед ним положили чистый лист протокола и следователь требовал, чтобы он подписал этот лист. При этом следователь положил на стол наган: или ты подпишешь, или сейчас же получишь пулю: выбирай. Отец отказался подписывать, настаивал на том, что ни в чем не виновен. Заключенных били, пытали. Следователи стремились, чтобы заключенные подписали показания, не читая их, а там были "признания" в диверсиях, хранении оружия, убийствах советских работников... Однажды вся их камера объявила голодовку протеста, но на нее никто из начальства не обратил внимания. Помню слова отца: "Что мы сидели - простое мужичье. С нами погибал цвет партии". Какое-то время с ним в одной камере находился первый секретарь Свердловского обкома. Выпустили его на свободу через один год и девять месяцев.

Вот все, что я запомнила. В советское время говорить на эту тему, сами понимаете, нельзя было".

Красовитов Алексей Гаврилович, 1907г, д. Комарово, Чернушинского р-на.Русский. Арестован 31.12.1937г. Проживал: п. Вынырок.Оправдан 02.10.1939г. Освобожден 02.10.1939г.

Красовитов Василий Гаврилович, 1906г. , д. Комарово, Чернушинского р-на.Русский. Арестован 31.12.1937г. Проживал: п. Вынырок. Дело прекращено за недоказанностью состава преступления. Освобожден 03.04.1939г.

Борисов Анатолий Ефимович:

"Семья моего отца была раскулачена в Татарской АССР в 1929 году, а в 1931 году отправлена в Краснокамск. Там раскулаченные строили бумкомбинат. Пришлось им поработать и в Перми на строительстве ГОЗНАКа. В 1938 году семью перевели в Вынырок, а сам Ефим Анисимович был арестован неизвестно за что. Освободили его через год - в 1939. Когда в 1990-е годы началась реабилитация раскулаченных, нам прислали из Перми копию протокола допроса моего отца. В семье о тех событиях не вспоминали, поэтому я мало что

знаю".

Анатолий Ефимович передал мне копию протокола допроса своего отца в 1939г. Допрос, судя по всему, проводился с целью закрыть дело. Копия этого документа попала в семью в 1996 году в ходе реабилитации раскулаченных.

(В Книге памяти жертв политических репрессий "Годы террора" часть третья, том 1, на стр. 282 есть строки:

Борисов Иван Анисимович, р. 1892, д.Пиктубаево, Алькеевский р-н ТАССР. Русский. Арестован 09.01.1938г. Проживал г.Краснокамск, Пермская обл. Дело прекращено за отсутствием состава преступления. Освобожден 29.05.1939г.)

Адамчук (Сапрыкина) Любовь Михайловна:

"Отец Михаил Ильич Сапрыкин родился в станице Кужерская Краснодарского края. Вся семья была раскулачена и выселена на Урал в спецпоселок Рябиново. Моего отца, его брата Захара и отца Илью Никоновича забрали ночью в 1937 году. Они попали в Свердловск, где отец и брат Захар умерли в тюрьме. Их похоронили в тюремной площади, там, где сейчас центр города Свердловска. Михаила после оглашения приговора отправили этапом на север Пермской области. Долгое время этап гнали пешком. Все были голодные, изнеможенные. Один паренек подбивал моего отца на побег на фронт добровольцем. Отец отказался, а тот паренек сумел сбежать, попал на фронт и провоевал всю войну. После войны он приехал к нам в гости".

(В книге памяти жертв политических репрессий "Годы террора" часть третья, том 1 на стр413-414 есть информация о Сапрыкиных:

Сапрыкин Илья Аникандрович (Никонович) р.1886, ст. Кужерская Майкопский р-н Краснодарский кр. Русский. Арестован 31.12.1937г. Проживал: пос. Рябиновка Чусовской р-н, Пермская обл. Осужден 07.02.1938г. Обвинение : шп. Приговор ВМН. Расстрелян 28.05.1938г.

Сапрыкин Захар Ильич, р.1906, ст. Кужерская Майкопский р-н Краснодарский кр. Русский. Арестован 31.12.1937г. Проживал: пос. Рябиновка Чусовской р-н, Пермская обл. Осужден 07.02.1938г. Обвинение: шп. Приговор: ВМН. Расстрелян 15.03.1938г.

Сапрыкин Михаил Ильич, р.1913, ст. Кужерская, Майкопский р-н Краснодарский кр. Русский. Арестован 31.12.1937г. Проживал: пос. Рябиновка, Чусовской р-н, Пермская обл. Осужден 21.02.1938г. Обвинение: шп. Приговор: 10 лет лишения свободы.)

Такова судьба казачьей семьи: отец и два сына арестованы в один день, двое расстреляны. А семье сообщили, что умерли они в тюрьме. Из троих выжил, пройдя через лагерь, один.

Кузьмичев Г.И. вспоминает об отце:

Иван Степанович Кузьмичев, мой отец, был выслан на Вынырок. Работал на лесоучастках. Арестовали его с лесоучастка Октябрьского в 1937г. Сидел он в Пермской тюрьме. Обвиняли его в том, что он поджигал колхозный конный двор. Следствие шло долго. Вызывали свидетелей. Ими оказались Азанов, Жуланов, Булычев - стукачи. При очной ставке отец ни в чем не признался, и его через два года тюрьмы выпустили за недоказанностью.

Кузьмичев Иван Степанович 1894г. Д.Мокроусово, Челябинская обл. Русский. Арестован 30.12.1937г. Проживал: п.Вынырок. Оправдан 01.10.1939г.

Борзихина Анастасия Николаевна 1923 г.р.

Мой отец ,Борзихин Николай Степанович, был арестован ни за что в Краснокамске и осужден на 8 лет. А на самом деле просидел он в Норильске 18 лет. Когда вышел на волю, то в деревню не поехал, устроился в Свердловске. Там и дожил свой век. А меня из Краснокамска сослали в Кын, и дальше вся жизнь пошла по лесоучасткам. Всю жизнь на тяжелых работах.

("Годы террора" ч.3 том, стр.280: Борзихин Николай Степанович, р.1897г, П.Покровка, Алькеевский р-н ТАССР. Русский. Арестован 16.08.1935г. Проживал: г. Краснокамск, Пермской обл. Осужден 03.04.1936г. Обвинение АСА. Приговор: 8 лет лишения свободы).

Вспоминает Веделева(Шуляк) Ефросинья Дмитриевна . 1921г.р.

"В 1937 году направили меня на станцию Кын на лесосплав. На берегу Кынка

стояли бараки: Мишарихинский, Вынырский, Рябиновский. Жили там сезонно люди из этих поселков, кого на лесозаготовку направляли, а я насовсем осталась, не вернулась в колхоз.

Первый мой муж был с Кубани из Ейска, дочь от него. В 1937 году раскулаченных стали арестовывать, брали в основном мужиков. Из Рябиново помню Топехо Михаила, из Мишарихи трех Тимофеевых, Черненко Павла, Мормыля Петра, Сопрынина Михаила. Взяли и моего мужа Матяша Николая Прокопьевича, а с ним Волегова Петра, Елишева Григория Игнатьевича. Кому убийство, кому поджог, кому вредительство приписывали. Мужа моего заставляли подписать, что он взорвал мост, но он не подписывал. По ночам возили их из одной тюрьмы в другую, а в 1939 отпустили его, и еще нескольких, которые на себя ничего не подписали".

Заключение. "Не верь, не бойся, не проси".

Репрессивная компания 1930-х гг. XX века в СССР ставит перед нами ряд вопросов. И главный из них: зачем? Зачем советскому государству понадобилось уничтожать сотни тысяч граждан и еще большее количество вырывать из нормальной жизни? Какова была цель массовых репрессий? Чаще всего на этот вопрос дается следующий ответ: Сталин в 30-е проводил кадровую революцию. Старая "ленинская" гвардия большевиков оказалась неспособной руководить грандиозной модернизацией страны в годы первых пятилеток. На смену ей была выращена новая советская элита, всецело преданная Сталину и эффективно действующая в экстремальных условиях.

Но этот ответ, внешне логичный, противоречит статистике репрессий: большинство арестованных и осужденных принадлежали не к партийно-советской и хозяйственной элите, а были простыми рабочими и колхозниками.

Можно найти другое объяснение репрессий: модернизация в СССР потребовала огромной армии дешевых работников, а самыми дешевыми работниками были з/к. Таким образом, репрессии пополняли резерв бесплатной рабочей силы первых пятилеток.

И этот ответ поначалу кажется логичным. Но почему тогда карательный аппарат в массовом порядке истреблял ту самую рабочую силу, которую он должен был поставлять народному хозяйству? Зачем нужны массовые расстрелы невинных людей?

Существует третье объяснение: репрессии выкорчевывали тайных врагов Советской власти и способствовали сплочению общества накануне Великой Отечественной войны. Эта версия являлась официальной в 30-50е гг. XX века. Она объясняет разброс в социальном спектре репрессированных и оправдывает действия властей. Но и она лопается под напором реальных фактов: большинство арестованных не были врагами советского строя. Даже после ареста они чувствовали себя советскими людьми и зачастую во вред себе сотрудничали с карательными органами государства.

Вопрос о причине репрессий 30-х годов остается открытым. **Попробую выдвинуть свою гипотезу, не претендующую на всеохватность, а идущую**

от исследования результатов террора. Репрессии погрузили общество в состояние страха. Каждый опасался за себя и за свою семью. Люди думали о выживании, а не о сопротивлении советской власти. Любое сопротивление в условиях массового террора казалось безнадежным. Пока шел террор, советская власть была крепка. **Террор привел, с одной стороны, к атомизации общества - все общественные структуры, включая дружеские и семейные коллективы, стали опасными для советских граждан. С другой стороны, официальные общественные структуры (профсоюзы, пионерия, комсомол, партия...) позволяли людям спрятаться в однородной среде, мимикрировать, стать незаметными. Репрессии выработали в народе новые рефлексы коллективного поведения, превратили русский и другие народы СССР в советский народ. Не случайно, как только репрессии прекратились, советский народ распался на составляющие нации.**

Второй вопрос, встающий перед исследователем репрессий: какова была стратегия выживания в условиях массовых чисток и арестов? Мог ли рядовой гражданин победить или перехитрить карательную машину советского государства?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо внимательно всмотреться в поведение людей того времени. Общественная практика выработала ряд рецептов выживания.

До ареста: не общаться с подвергшимися репрессии, не болтать, не выделяться из массы, не протестовать, не делать карьеры. Поскольку никто не застрахован от ареста, следует держаться в середине. Крайние вызывают к себе повышенный интерес, следовательно, подвергаются большему риску. В случае предчувствия ареста, постараться сменить место жительства, уехать в "дальние края" - на Север, на новостройку.

После ареста: ни в коем случае не верь следователям, не строй иллюзий относительно чьей-то помощи: никто тебе не поможет, поскольку государство считает тебя своим врагом; государство отныне твой враг, не давай показаний ни на себя, ни на других, молчи или тяни резину, не верь сокамерникам, не веди с ними задушевных разговоров, не посвящай других в суть своего дела, не подписывай чистые протокольные листы, по возможности, ничего не подписывай, затрудняй работу следствия своей тупостью. Нарушение хотя бы одного из этих правил может привести тебя к гибели. Этика з\к предельно

точно сформулирована в трех максимах: не верь, не бойся, не проси. Решающим фактором в 1937-38 гг. было время: затягивание следствия на месяц могло не только спасти жизнь подследственному, но и стать пропуском на свободу.

В случае освобождения: не делиться ни с кем пережитым, не критиковать власть и органы, не заводить излишних знакомств. Однажды арестованный уже является врагом Советской власти, а значит - кандидатом на повторный арест.

Стереотипы выживания, выработанные в годы Большого террора, определяющим образом влияли на поведение советских людей вплоть до конца 50-х гг. С конца 50-х до начала 80-х эти стереотипы медленно размывались, нарушая внутреннюю стабильность и идеологическую монолитность советского общества.

А затем наступили 90-е. Сначала сняли со столбов колючую проволоку. Затем куда-то исчезла охрана. Перестали кормить. И только после этого лагерь стал разбредаться - кто куда...

Литература.

1. "Годы террора" Книга памяти жертв политических репрессий. Часть третья, том 1,2,3,4,5,,6. Пермское книжное издательство. (Пермь. 2005.)
2. Лейбович О.Л. Кулацкая операция на территории Прикамья в 1937-1938 гг. "Годы террора" Книга памяти жертв политических репрессий. Часть шестая, том 1. Пермское книжное издательство. Пермь. 2008.

